

**ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ,
ПРОЕКТНЫХ И ТВОРЧЕСКИХ РАБОТ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

«ОБРЕТЁННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

Направление: История, этнография, археология, топонимика

**Тема: Конструирование исторической реальности: от манипуляции сознанием
к кризису в морской отрасли**

Соискатель: Любченко Иван Вадимович

Научный руководитель: Моос Наталья Николаевна

Место выполнения работы: «ДМУ» (филиал) ФГБОУ ВО «Дальрыбвтуз»

Введение

Мы часто думаем об истории как о чём-то неизменном, о списке дат и событий в учебнике. Но на самом деле история - это живой рассказ о прошлом, который постоянно переосмысливается. Особенно активно это происходит в наше время, в эпоху интернета и глобальных конфликтов. История стала мощным инструментом, с помощью которого политики влияют на людей. Цель этой работы - разобраться, зачем и как современные политические силы искажают исторические факты, и к каким последствиям это приводит.

Почему это важно?

Сегодня можно наблюдать, как история целенаправленно используется в политической борьбе. Её переписывают, чтобы оправдать власть, объединить или, наоборот, расколоть общество, обосновать свои действия. Из-за этого возникают абсолютно разные, часто конфликтующие взгляды на одни и те же события. Это мешает странам договариваться, углубляет разногласия внутри общества и мешает новым поколениям понимать прошлое, чтобы строить будущее.

Цель работы: изучить, как, зачем и с какими последствиями искажают историю политики в конце XX — начале XXI века.

Для реализации поставленной цели предполагается решение следующих задач:

1. Объяснить ключевые понятия: «историческая политика», «фальсификация истории», «исторический ревизионизм».
2. Описать основные методы искажения истории
3. На конкретных примерах из разных стран показать, как политики применяют эти методы.
4. Выяснить, какую роль в распространении искажённой истории играют СМИ, кино и социальные сети.
5. Оценить последствия таких искажений для общества и отношений между странами, провести опрос людей различных возрастных групп и сравнить ответы.
6. Рассмотреть на примере морской отрасли, как данные действия отражаются в практической деятельности
7. Предложить, как можно противостоять манипуляциям историей.

Основная гипотеза

Мы считаем, что искажение истории — это не случайность, а системный политический инструмент. Им особенно активно пользуются во время кризисов, чтобы сплотить людей вокруг власти, создав образ общего врага.

Объект исследования – историческая политика

Предмет исследования – использование политиками исторических фактов для манипулирования общественными настроениями и массовым сознанием

Методы: историографический, библиографический, интервьюирование, анкетирование, анализ статистической информации, сравнительный анализ

Практическая значимость: материалы исследования могут быть использованы для формирования воспитательной стратегии молодежи, особенно в русле патриотического воспитания. Также материалы исследования будут интересны широкому кругу молодежи для популяризации такой учебной дисциплины, как история. Работу можно использовать для подготовки и проведения тренингов по формированию навыков критического мышления.

Историческая политика и фальсификация истории: теоретическое осмысление объекта исследования

Прежде нам необходимо разобраться с основными понятиями, которые будут использованы в данном исследовании.

Историческая политика - это сложное и многогранное явление, которое находится на стыке науки и власти. В самом широком смысле, это деятельность государственных и общественных институтов по целенаправленному формированию и поддержанию определенных оценок и интерпретаций исторических событий, отвечающих текущим политическим интересам. Простыми словами, это использование прошлого для решения задач настоящего.

Термин имеет свою историю и часто пересекается с понятием «политика памяти». Понимание сути исторической политики невозможно без знания истории самого термина.

Термин «историческая политика» (Geschichtspolitik) впервые ввел в оборот американский историк Говард Зинн в 1970 году. Широкую известность и негативный оттенок понятие получило в Западной Германии в 1980-е годы во время так называемого «спора историков» (Historikerstreit). Консервативные историки попытались пересмотреть вопрос об исключительной вине немцев за нацистские преступления, представив нацизм как реакцию на «более агрессивный» большевизм. Их оппоненты назвали такую трактовку «исторической политикой», подразумевая манипуляцию историей в политических целях.

В 1999 году исследователь Эдгар Вольфрум дал первое научное определение, обозначив историческую политику как особый вид деятельности и область политики.

Историческая политика, политика памяти и символическая политика: в чем разница? В современном дискурсе эти понятия часто используются как синонимы, но между ними есть смысловые нюансы.

Историческая политика - это более узкое и жесткое понятие, часто подразумевающее прямое государственное вмешательство. Политика памяти - это более мягкий и широкий инструментарий по формированию образа прошлого в сознании людей.

Главная цель исторической политики - легитимация существующей власти и консолидация общества вокруг национальной идеи. Для этого она решает ряд конкретных задач:

1. Формирование национальной идентичности: создание образа «золотого века», национальных героев и общего великого прошлого, которое объединяет граждан.

2. Легитимация политического режима: власть стремится представить себя как законного наследника и защитника славных исторических традиций. Например, Наполеон сознательно копировал образы и институты Римской империи.

3. Мобилизация общества перед лицом внешней или внутренней угрозы: актуализация памяти о прошлых войнах и победах для сплочения нации.

4. Оправдание текущей политики: исторические примеры используются для объяснения и оправдания непопулярных или сложных решений.

5. Борьба с «чужими» интерпретациями прошлого: противостояние историческим нарративам политических противников (как внутри страны, так и за рубежом), которые подрывают официальную версию истории.

Инструменты реализации исторической политики весьма разнообразны и включают:

Образование: разработка единых стандартов школьных учебников истории.

Законодательство: принятие законов, защищающих «историческую правду» и устанавливающих ответственность за ее искажение (например, законы о запрете реабилитации нацизма).

Символическая политика и коммеморации: строительство памятников, создание мемориалов, присвоение имен героев улицам, организация масштабных празднований исторических дат.

Медиа и культура: производство исторических сериалов, фильмов, компьютерных игр, поддерживающих официальный нарратив, а также контроль за историческим контентом в СМИ и интернете.

Научная сфера: финансирование определенных научных направлений и институтов (например, институтов национальной памяти), создание «нужных» исторических концепций.

Историческая политика - явление неоднозначное и часто подвергается критике. Главный упрек заключается в том, что подчинение истории сиюминутным политическим интересам неизбежно ведет к искажению прошлого, созданию мифов и замалчиванию неудобных фактов. Стремление утвердить единую, «правильную» версию истории часто приводит к конфликтам с соседними странами, у которых может быть свой, отличный взгляд на общее прошлое. Это разрушает пространство для диалога. Вместо консолидации жесткая историческая политика может расколоть общество, если значительная его часть не принимает навязываемую трактовку истории.

В заключение можно сказать, что историческая политика является неотъемлемой частью современной политической жизни. Вопрос не в том, должно ли государство иметь отношение к истории, а в том, насколько это отношение является этичным, научно обоснованным и направленным на подлинное объединение общества, а не на достижение узких политических выгод.

Понятие «фальсификация истории» тесно связано с исторической политикой, по сути, являясь её главным инструментом и наиболее опасным проявлением. Если историческая политика занимается конструированием выгодного настоящему образа прошлого, то фальсификация истории - это осознанное искажение фактов для достижения конкретных целей.

В широком смысле, фальсификация истории - это сознательный и целенаправленный процесс искажения представлений об исторических событиях. Её движущая сила - интересы отдельных лиц, социальных групп или государств. Важно отличать её от смежных понятий:

Фальсификация истории - это активный процесс с конкретным заказчиком и целью. Это «переписывание» прошлого в угоду современности.

Псевдоистория - претендующие на научность, но не являющиеся таковыми идеи. Часто создается без злого умысла, из-за жажды славы или некомпетентности автора.

Мифологизация истории - естественное, стихийное формирование упрощенного, часто героического образа прошлого в массовом сознании.

Главное отличие фальсификации - наличие умысла. Это не заблуждение и не художественный вымысел (как в альтернативной истории), а сознательная манипуляция.

Фальсификация истории не возникает на пустом месте. Это всегда ответ на конкретный социальный заказ. Как отмечают исследователи, онтологическим (бытийным) основанием этого явления служит стремление политических сил сформировать в обществе выгодное им восприятие реальности. Основные цели таковы:

1. Политическая борьба и консолидация. Создание образа внешнего или внутреннего врага для сплочения нации вокруг власти. Классический пример - обвинения в адрес СССР в

развязывании Второй мировой войны наравне с нацистской Германией, что позволяет пересмотреть роль современных стран-правопреемников.

2. **Легитимация власти.** Обоснование права на власть через «славное прошлое» или, наоборот, через осуждение «темного» прошлого предыдущего режима.

3. **Экономические и территориальные претензии.** Искажение истории для обоснования прав на спорные территории или ресурсы.

4. **«Расчеловечивание» противника.** Формирование в массовом сознании образа враждебной нации как неполноценной или изначально агрессивной, чтобы оправдать свои действия.

Какими же способами достигается искажение истории? Методология фальсификации разнообразна - от грубой подделки до тонкой манипуляции сознанием.

1. **Работа с источниками (самый грубый уровень):**

Прямая подделка: создание фальшивых документов, артефактов, дневников.

Уничтожение источников: даманатио тетогае — практика, известная с древности. Ещё фараон Эхнатон (XIV в. до н.э.) приказывал стирать все упоминания о неугодных предшественниках.

Соккрытие документов: закрытие архивов, ограничение доступа исследователей к неудобным материалам.

2. **Манипуляция содержанием (более тонкий уровень):**

Вырывание из контекста. Известный приём, когда цитата подается так, что её смысл меняется на противоположный. Пример - речь Гитлера 30 января 1939 года, где фраза об «уничтожении еврейской расы» часто приводится без предшествующего условия о развязывании мировой войны, что искажает логику заявления.

Замалчивание (селекция фактов). Намеренное игнорирование событий или фактов, которые противоречат нужной версии. Так, в западных нарративах о Второй мировой войне часто умалчивается решающая роль советских дивизий в битве под Москвой, а победа объясняется «генералом Морозом».

Подмена причинно-следственных связей. События выстраиваются в удобной, но ложной последовательности. Например, Пакт Молотова-Риббентропа подается как причина войны, хотя ему предшествовало Мюнхенское соглашение западных стран с Гитлером.

3. **Создание новых нарративов (уровень мировоззрения):**

Навязывание ложных интерпретаций. Использование многозначности терминов («правдоподобие» вместо «истины») для выдачи желаемого за действительное.

Формирование «черных мифов»: создание устойчиво негативного образа целых эпох или народов. Пример - навязывание представления об исключительной порочности российской истории или уравнивание сталинизма и нацизма.

Наиболее ожесточенные информационные войны сегодня ведутся вокруг истории Второй мировой войны. Можно выделить несколько устойчивых фальсификаций, активно тиражируемых в западном медиапространстве:

Освобождение концлагерей. Утверждение, что узников Освенцима освободили американские войска. Факт: Освенцим был освобожден Красной армией 27 января 1945 года.

Образ солдата-освободителя: Целенаправленное создание образа советского солдата исключительно как насильника и мародера, при полном замалчивании массового героизма и жертвенности.

Решающая роль союзников: Проведение тезиса о том, что ключевую роль в победе сыграли США и Великобритания, а вклад СССР был второстепенным.

Символические жесты: Выпуск в США в 2020 году медали к 75-летию Победы с флагами США, Британии и Франции, но без флага СССР, что наглядно демонстрирует попытку вычеркнуть нашу страну из числа главных победителей.

Как отличить правду от вымысла?

Философ Роберт Тодд Кэрролл предложил четкие критерии для выявления псевдоисторических и фальсифицированных трудов. Вот основные из них:

Некритичное отношение к источникам. Мифы и легенды принимаются за буквальную истину, а данные древних авторов - без скептицизма.

Наличие миссии. Цель работы - не поиск истины, а поддержка определенной политической или религиозной программы.

Крайний скептицизм. Отрицание возможности достоверного знания о прошлом («ни в чем нельзя быть уверенным, значит, всё относительно»).

Избирательность в доказательствах. Используются только те источники, которые подтверждают заданную точку зрения. Неудобные факты игнорируются или тенденциозно интерпретируются.

В современном мире, где история стала полем информационной войны, умение распознавать эти приемы - важнейший навык критического мышления.

И последний термин, который необходим для данного исследования – это политический ревизионизм. Термин «политический ревизионизм» (от лат. revisio - пересмотр) многозначен и его смысл кардинально меняется в зависимости от контекста: от сугубо внутриидеологических споров в рабочем движении XIX века до геополитических конфликтов XXI века и пересмотра истории.

В отличие от «фальсификации истории», которая подразумевает прямой подлог фактов, ревизионизм - это более широкое понятие, означающее требование пересмотра устоявшихся взглядов, доктрин или международных договоренностей. Рассмотрим подробно три его основных лика.

1. Классический ревизионизм (в марксизме)

Изначально термин возник в идеологической борьбе внутри социал-демократии в конце XIX века.

Пересмотр (ревизия) основ учения Карла Маркса. Ключевая фигура - Эдуард Бернштейн. Именно он выдвинул тезис о необходимости отказа от революции и перехода к постепенным реформам для улучшения жизни рабочих в рамках капитализма. Его знаменитая фраза «движение - всё, конечная цель - ничто» стала символом этого подхода.

Как указывается в полемических статьях, ревизионизм стремился лишить марксизм его революционного смысла, отрицая необходимость диктатуры пролетариата и классовой борьбы. Для ортодоксальных марксистов (например, В.И. Ленина) ревизионизм был формой оппортунизма, то есть приспособленчества к буржуазной системе.

2. Исторический ревизионизм

В современном политическом дискурсе это наиболее часто встречающееся значение. Здесь ревизионизм смыкается с понятиями «историческая политика» и «фальсификация истории». Т.е. целенаправленный пересмотр устоявшихся оценок исторических событий, часто в угоду текущей политической конъюнктуре.

В качестве примера можно привести спор о причинах Второй мировой. Случай с немецким политиком Эрикой Штайнбах, которая заявила, что Польша своей мобилизацией в марте 1939 года спровоцировала Германию. Эта трактовка, расходящаяся с официальной позицией ФРГ, является классическим примером исторического ревизионизма, возлагающего долю ответственности на жертву агрессии.

В странах Восточной Европы и на постъюгославском пространстве наблюдается тенденция к пересмотру истории Второй мировой войны через призму «двух тоталитаризмов» (нацизма и коммунизма). Это приводит к попыткам уравнивать нацистскую Германию и СССР, а также к реабилитации коллаборационистских движений, которые объявляются борцами за национальную свободу против «советской оккупации».

3. Ревизионизм в международных отношениях (геополитический)

В теории международных отношений ревизионизм - это характеристика внешней политики государства. Стремление государства изменить существующий мировой порядок (статус-кво).

Таким образом, политический ревизионизм - это многоликое понятие:

1. В узком (историческом) смысле - реформистское течение в марксизме (Бернштейн и др.).
2. В исторической политике - это пересмотр истории в угоду текущей повестке, что тесно связано с фальсификацией и созданием удобных мифов.
3. В геополитике - характеристика государства как «ревизионистского», то есть стремящегося изменить сложившийся миропорядок, в противовес «государствам-охранителям» (статус-кво).

Проведя предварительный анализ можно сделать следующие выводы, отвечая на вопрос: Как и зачем политики используют историю?

История превращается из науки в инструмент для достижения конкретных политических целей:

1. Чтобы укрепить свою власть. Политики ссылаются на «золотой век» или историческую миссию страны, чтобы оправдать свои действия. Например, в Венгрии власти культивируют образ «Великой Венгрии» в границах столетней давности, чтобы обосновать свой особый путь в Евросоюзе
2. Чтобы сплотить общество. Общий образ «славных предков» или «вечного врага» объединяет людей. Например, в Польше акцент на героизме во время Второй мировой войны помогает формировать идею национальной стойкости.
3. Чтобы оправдать современные действия. Текущая политика может объясняться историческими обидами или необходимостью вернуть «исторические земли». Например, военные операции Турции в Сирии сопровождаются отсылками к защите исторических границ.
4. Чтобы ослабить противников. Критика исторических ошибок других стран (колониализм, диктатуры) используется, чтобы подорвать их авторитет. Например, Китай часто напоминает Западу о периоде колониального унижения, чтобы парировать критику в свой адрес.

Основные методы искажения истории

Рассмотрим основные методы искажения истории, которые повсеместно используются в разных уголках мира

1. **«Вишнёвый сбор» фактов.** Используются только удобные факты, а неудобные замалчиваются. Например, в школах некоторых штатов США смягчают или опускают жестокие

факты о рабстве, чтобы не вызывать «дискомфорт». Американская революция и Декларация независимости преподносятся как символы свободы. Делается акцент на «правах штатов» как причине Гражданской войны, а не на рабстве. Подчёркивается «лояльность» некоторых рабов хозяевам, экономическая необходимость системы для развития Юга. И в это же время замалчивается или приуменьшается: чудовищная жестокость, насилие и дегуманизация рабства. Ключевая роль рабовладения как главной причины сецессии и войны (о чём прямо говорится в декларациях об отделении многих южных штатов). Долгосрочные последствия рабства в виде системного расизма, сегрегации (законы Джима Кроу) и социального неравенства.

Еще одним «вишневым» примером является образ Японии во Второй мировой войне. Подчёркивается необходимость освобождения Азии от западных колонизаторов, создание «Сферы совместного процветания Великой Восточной Азии». Делается акцент на страданиях японского народа (атомные бомбардировки, огненные налёты). Но при этом, в общественном массовом сознании практически отсутствует информация о военных преступлениях японской армии (Нанкинская резня, использование «женщин для утешения»), жестокость оккупации других азиатских стран (Корея, Китай, Филиппины), милитаристская и экспансионистская идеология. Таким образом, формируется образ Японии скорее как жертвы, чем как агрессора, что вызывает острые споры с соседними странами.

«Вишнёвый сбор фактов» - это не просто ошибка, а сознательная стратегия. Она позволяет создать простой, удобный и эмоционально заряженный образ прошлого, который служит конкретным идеологическим или политическим целям сегодня. Однако такое упрощение лишает общество возможности понять сложность истории, признать ошибки и двигаться вперёд, извлекая из прошлого настоящие уроки.

2. Героизация и демонизация. Исторические фигуры и народы показываются либо как абсолютное добро, либо как абсолютное зло. В качестве примера можно привести Испанию, где до сих пор нет единого мнения о диктаторе Франко: одни его демонизируют, другие видят в нём защитника страны. Однозначно примерами демонизации российской истории могут быть такие крупные исторические личности, как Иван Грозный и Сталин. Так, образ Сталина в современной российской массовой культуре и публичном пространстве долгие годы целенаправленно демонизировался, из сложной и противоречивой фигуры создавался образ «страшного диктатора и палача».

Или противоположный пример современной украинской политической истории - фигура Степана Бандеры в националистическом украинском нарративе. Лидер украинских националистов возводится в статус бескомпромиссного борца за национальную независимость. Подчёркивается его борьба против СССР и Польши. При этом сложность его деятельности, сотрудничество части Организации украинских националистов (ОУН) с нацистской Германией на определённом этапе, а также участие в этнических чистках (например, Волынская трагедия) либо отрицаются, либо преподносятся как вынужденные и нехарактерные действия. То есть, создается из Бандеры символ бескомпромиссной борьбы за государственность, который служит краеугольным камнем национальной идентичности, особенно в контексте противостояния с Россией.

Можно также привести пример последних десятилетий, который формирует образ СССР и России в странах Восточной Европы. Весь советский период (1945-1991) в Польше, Прибалтике, Чехии часто сводится исключительно к оккупации, репрессиям и подавлению. Замалчиваются или отрицаются любые позитивные аспекты того времени (например, индустриализация, создание систем образования и здравоохранения, ощущение братства народов у части

населения). История представляется как непрерывная борьба порабождённого народа против тотального зла. Все это делается для того, что обосновать для населения текущий курс на максимальную интеграцию в западные структуры (НАТО, ЕС) и жёсткое дистанцирование от России, создание монолитной национальной идентичности, основанной на травме и сопротивлении.

Таким образом, героизация и демонизация - две стороны одной медали. Они упрощают мир до бинарной схемы «свои или чужие», «герои или злодеи». Это мощный инструмент мобилизации, но он убивает историческую сложность, лишает людей способности к критическому анализу и диалогу, загоняя общество в ловушку вечного противостояния, основанного на мифах, а не на фактах.

3. Перенос современных понятий в прошлое. Современные границы и идеи приписываются древним государствам. Самый яркий пример это Балканы, народы которых спорят о национальной принадлежности средневековых правителей, хотя понятия нации в те времена не существовало. Сербские и хорватские националисты «записывают» его правителей и население в свои национальные пантеоны, хотя в то время боснийская церковь и местная знать имели свою специфику, не укладывающуюся в современные рамки. Или спор Северной Македонии о названии с Грецией был вызван тем, что современная славянская страна Македония апеллировала к наследию Древней Македонии и Александру Македонскому. Греция протестовала, утверждая, что древние македонцы были эллинизированным народом и частью греческого мира, а современные македонцы - славяне, не имеющие к ним прямого отношения. Здесь современная национальная идентичность проецируется на античность.

Или непрекращающиеся споры и дебаты о наследии Киевской Руси. Современные украинские историки часто подчёркивают, что Киевская Русь была преимущественно предшественником украинской государственности, так как её ядро находилось на территории современной Украины. Российский нарратив говорит о Руси как об «общей колыбели» трёх восточнославянских народов, но с акцентом на преемственность через Владимиро-Суздальскую Русь и Москву. Обе стороны применяют современные категории «украинцы» и «русские» к населению IX-XIII веков, которое само идентифицировало себя по княжествам и вере, а не по нации.

Еще хорошим примером этого метода является поиск «демократии» и «прав человека» в древних обществах. Например, Древняя Греция в массовом сознании предстает как «колыбель демократии». Афинскую демократию V века до н.э. часто преподносят как прямой прообраз современной демократии, что абсолютно не соответствует действительности. В массовом сознании возникает образ свободных граждан, решающих судьбы на Агоре. Реальность же такова, что афинская демократия была прямой и ограниченной. Политических прав не имели рабы (большая часть населения), женщины и метеки (иностранцы). Решения часто принимались под влиянием демагогов и могли быть крайне жестокими (как приговор Сократу). Это была демократия для узкой группы свободных мужчин-граждан, а не универсальная ценность.

Таким образом, анахронизм опасен тем, что лишает прошлое его собственного голоса и логики. Мы начинаем судить людей и общества прошлого по нашим меркам, обвинять или восхвалять их за то, что они не могли осмыслить в своих терминах. Это мешает понять подлинные мотивы и контекст исторических событий, превращая историю в сборник морализаторских уроков или, наоборот, в набор фактов, «подтверждающих» современные идеологические установки.

4. Создание мифов. Простые и эмоциональные истории (о «великом прошлом», «потерянном рае») легко закрепляются в сознании людей. Например, в конфликте между Израилем и Палестиной обе стороны создали мощные, но противоположные мифы об основании своих государств.

Израильский миф «Земля без народа для народа, без земли». Суть мифа в том, что Палестина до начала сионистской колонизации конца XIX - начала XX вв. изображалась как пустынная, заброшенная земля, ждущая возвращения еврейского народа. В реальности же на этой территории веками жили арабы (палестинцы), имевшие свою социальную и экономическую структуру. Миф игнорировал их существование или представлял их как временных кочевников.

Таким образом, исторические мифы - это не просто сказки. Это политические инструменты, которые:

Сплачивают нацию вокруг простой и эмоциональной идеи.

Легитимируют власть, границы или политический курс.

Объясняют сложную реальность, делая её понятной для масс. Дают чувство превосходства или, наоборот, невинной жертвенности. Их сила - в простоте и эмоциональной заряженности. Их опасность в том, что они заменяют критическое понимание истории удобной сказкой, которая часто разжигает конфликты и оправдывает агрессию.

5. Закрепление законом. Данный метод основан на том, что принимаются законы, которые официально устанавливают одну «правильную» версию истории и запрещают другие. Например, в Турции долгое время было запрещено публично говорить о геноциде армян (1915) под угрозой уголовного преследования (Статья 301 Уголовного кодекса («Оскорбление турецкости»). Уголовное преследование за публичное унижение турецкой нации, государства, его институтов.

Возьмем в качестве примера поправки к Закону об Институте национальной памяти (Пельша, 2018). Суть закона в уголовной ответственности (штраф или лишение свободы до 3 лет) за публичные и противоположные фактам утверждения о «польской соучастности или ответственности за преступления, совершённые Третьим рейхом». Под запрет попала, в частности, формулировка «польские лагеря смерти». Закон фактически запрещает публичное обсуждение тёмных страниц, таких как антисемитизм части польского населения (например, погром в Едвабне в 1941 году, где поляки убили сотни евреев-соседей), или случаи коллаборации отдельных лиц. Данный закон вызвал острейший дипломатический конфликт с Израилем, США и Украиной, так как, по мнению критиков, препятствовал свободному историческому исследованию Холокоста. Позже уголовные санкции были смягчены, но гражданская ответственность осталась.

Или пакет законов, которые приняты на Украине в последние годы. Суть пакета законов - запрет коммунистической и нацистской символики и пропаганды, осуждение коммунистического и нацистского тоталитарных режимов, открытие архивов советских репрессивных органов, а также правовой и политический статус борцов за независимость Украины в XX веке. Советский период демонизируется, трактуется как период оккупации и преступного тоталитарного режима. Коммунистическая идеология приравнивается к нацистской. В тоже время, организация украинских националистов (ОУН) и Украинская повстанческая армия (УПА) официально признаны борцами за независимость Украины. Критика их деятельности (например, участие в этнических чистках) может трактоваться как «оправдание коммунистического тоталитарного режима». Принятие этих закон выливается в массовое переименование городов, улиц, снос

памятников Ленину и другим советским деятелям. Это приводит также к жесткой поляризации внутри украинского общества и острый конфликт с Россией, где эти законы рассматриваются как «героизация нацизма». Все это в итоге ведет к окончательному разрыву с советским прошлым, построение национальной идентичности, консолидация общества в условиях гибридной войны с Россией.

Таким образом, закрепление истории законом - это высшая стадия политизации прошлого. Она превращает исторический спор из академической дискуссии в правонарушение. Это создаёт атмосферу страха для исследователей и граждан, замораживает историческую науку и публичную дискуссию, а также становится мощным инструментом внешнеполитического давления и конфронтации, когда «неправильная» трактовка истории другого государства считается враждебным актом. Это самый прямой путь к созданию официальной, монолитной, но часто мифологизированной версии истории.

Какую роль в искажении истории играют СМИ и социальные сети?

Кино и сериалы являются самым мощным инструментом формирования массовых исторических представлений, поскольку зритель склонен доверять визуальной картинке.

Главная проблема здесь - неизбежная драматургическая обработка реальности, которая подменяет «правду факта» «правдой эмоции». Например, талантливая актерская игра и эстетика эпохи в сериалах о нацистской Германии, таких как «Вавилон-Берлин», могут привести к романтизации преступного режима: зритель влюбляется в красивые костюмы и джаз, забывая о зверствах.

Другой пример - фильмы, которые сводят сложные исторические процессы к конфликту личностей. В массовом сознании после просмотра голливудских блокбастеров Вторая мировая война нередко превращается в противостояние харизматичных полководцев, где причины и следствия подменяются личной неприязнью.

Государства также часто используют кино как инструмент исторической политики, финансируя ленты, которые формируют «нужный» героический нарратив, замалчивая неудобные страницы, такие как преступления своих солдат или коллаборационизм.

Но социальные сети действуют иначе. Они уничтожили монополию профессиональных историков на вещание, позволив любому блогеру с харизмой стать «экспертом». Здесь искажение происходит через клиповость и потерю контекста. Сложное событие сжимается в мем или 30-секундный ролик, где из информации вырывается один яркий факт, начинающий жить своей жизнью.

Алгоритмы платформ усугубляют проблему, создавая «эхо-камеры»: если пользователь поверил в конспирологическую версию о том, что высадки на Луну не было, лента будет подсовывать ему только подтверждающие материалы, отсекая научные опровержения.

Скорость распространения фейков в соцсетях настолько велика, что ложный нарратив укореняется в сознании миллионов задолго до того, как историки успеют подготовить обстоятельное опровержение.

В свою же очередь, традиционные и новостные СМИ (телевидение, газеты, сайты) выполняют функцию легитимации. Если в соцсетях фейк распространяют блогеры, то СМИ придают искажению статус «официального знания» за счет эффекта присутствия и мнимой авторитетности.

Сегодня этот механизм работает через цитирование. Крупные издания часто ссылаются друг на друга, создавая ложную цепочку авторитетности, когда первоисточником оказывается сомнительная публикация в желтой прессе или провокационный пост в соцсетях.

К чему это приводит?

Для общества. Возникают расколы между теми, кто верит официальной версии, и теми, кто ей не верит. Люди теряют способность критически мыслить и извлекать реальные уроки из прошлого. В США споры о том, как преподавать историю рабства, приводят к конфликтам на уровне школ и семей.

Для международных отношений. Исторические обиды разжигают современные конфликты, мешая странам договориться. Споры Индии и Пакистана о Кашмире упираются в разную трактовку истории региона.

Для молодёжи. Воспитывается поколение, которое не понимает сложных причинно-следственных связей в истории и не готово к диалогу. Израильские и палестинские школьники учатся по учебникам, где другая сторона изображена только как враг, что закрепляет ненависть.

Результаты опроса

В рамках настоящего исследования автором была подготовлена анкета «Историческое сознание и общественные нарративы» и проведен опрос респондентов двух основных возрастных групп: учащаяся молодежь (16-18 лет) и преподаватели (40-70 лет).

В качестве инструментария использовался разработанный автором опросник, который содержал 13 закрытых вопросов по некоторым историческим событиям и их интерпретации в массовом сознании.

В качестве рабочей гипотезы в ходе опроса отрабатывался следующий подход, что ответы преподавателей и курсантов будут отличаться в части трактовки событий, так как формирование «исторической правды» у данных поколений, проходило в различных условиях. Формирование представлений у преподавателей в целом завершено, и в большей степени основаны на опыте советского прошлого. Формирование же представлений у молодежи еще не закончено, находится в активной фазе, подвержено современным нарративам и трендам.

В разнице оценок очень показателем ответ на вопрос про образ Степаны Бандеры. 100% преподавателей указали, что Бандера – это коллаборационист, сотрудничавший с нацистской Германией. В тоже время, только 47,2% курсантов выбрали этот ответ. Настораживающим выглядит ответ 15,1% курсантов, которые ответили, что Бандера – это борец за независимость Украины, символ сопротивления. Сместем предположить, что данные курсанты мало себе представляют, что за фигура Степан Бандера, и воспользовались самым доступным для них вариантом, обратились к гуглу за ответом, а он подкинул им вариант, который широко распространен на территории Украины и среди иноагентов.

Вторым показательным ответом можно считать вопрос о присоединении Крыма к России в 2014 году.

84,6 % преподавателей ответили, что это восстановление исторической справедливости и возвращение исконно русских земель, в тоже время только 49,1 % курсантов считают также. Оставшиеся 15,4 % преподавателей выбрали ответ, что это была вынужденная мера защиты русского населения. В тоже время, среди молодежи мы видим, что 20,8% курсантов выбрали ответ, что это была аннексия украинской территории. А это является серьезным звоночком о том, что слушает и потребляет современная молодежь в медиапространстве.

Еще одним показательным ответом является ответ на вопрос про образ Иосифа Сталина в общественном сознании. 61,5 % преподавателей ответили, что это эффективный менеджер и лидер, победивший в войне и создавший сверхдержаву, этот же ответ выбрали 41,5 % курсантов. Но среди курсантов был и ответ, что Сталин – это кровавый диктатор, виновный в гибели миллионов. Этот ответ выбрали 18,9 % респондентов. Среди преподавателей такой ответ не

выбрал никто, что является ярким примером того, что в постсоветской России активно транслировался миф о Сталине, как тиране и дикторе.

Показательным также является вопрос об образе советского периода нашей страны (1917-1991) в глазах респондентов. 76,9 % преподавателей ответили, что это «время великих свершений, Победы и статуса сверхдержавы, несмотря на отдельные трудности», против 40,4 % ответов курсантов. В тоже время, 21,2 % курсантов выбрали ответ «эпоха тотального террора и репрессий». Среди преподавателей такой ответ не встретился ни разу.

Таким образом, формирование общественного сознания в современном мире представляет собой сложный, многоуровневый процесс, в котором средства массовой информации играют роль главного проводника между государством и обществом. СМИ выступают не просто зеркалом, отражающим события, а активным инструментом конструирования реальности. Именно через медиа-каналы политические элиты транслируют в массы определенные нарративы, призванные укоренить в сознании граждан выгодную власти картину мира. Этот процесс становится особенно явным, когда речь идет об истории: прошлое, будучи наиболее пластичным материалом, подвергается целенаправленной обработке, чтобы служить задачам настоящего.

Такая практика напрямую соотносится с концепцией исторической политики, которая подразумевает использование административного и медийного ресурса для насаждения определенных трактовок прошлого. Когда власть через подконтрольные СМИ транслирует упрощенные или однобокие версии исторических событий, замалчивая неудобные факты, она неизбежно вторгается в сферу фальсификации истории. При этом, как мы видели на примере политического ревизионизма, пересмотр устоявшихся оценок может касаться не только далекого прошлого, но и недавних событий, формируя у граждан нужное отношение к текущим политическим решениям и внешним партнерам.

Эффективность этого механизма заключается в его постоянстве и системности. Информационная повестка, выстроенная определенным образом, создает эффект «пузыря фильтров», из которого человеку сложно выбраться. Повторяемые изо дня в день тезисы, подкрепленные авторитетом политиков и эмоциональными образами в новостях и ток-шоу, постепенно вытесняют альтернативные точки зрения. В результате общественное сознание не просто отражает реальность, а формируется под нее, принимая политически ангажированные нарративы за объективную истину, что в конечном итоге ведет к консолидации общества на основе заданных властью ценностей и представлений.

Морское судоходство: влияет ли политическая история на отрасль?

Политика напрямую влияет даже на такие технические сферы, как морские перевозки. Влияние исторической политики на такую конкретную и прагматичную отрасль, как морское судоходство, на первый взгляд может показаться неочевидным. Однако после 2022 года это влияние стало мощным фактором, переформатирующим всю логистику, судостроение и даже само позиционирование России в Мировом океане. Это воздействие реализуется по трем основным направлениям: идеологическое обоснование (доктрины), юридически-санкционное давление (инструменты) и структурная перестройка логистики (последствия).

1. Доктринальное обеспечение: флот как носитель «великодержавности»

Первый и самый прямой канал влияния - это стратегические документы, которые задают «правильный» исторический нарратив для развития флота. В конце июля 2022 года президент В.В. Путин утвердил новую редакцию Морской доктрины РФ. Этот документ - яркий пример того, как историческая политика формирует повестку для отрасли. В нем Россия

провозглашается «великой морской державой», чьи национальные интересы распространяются на весь Мировой океан.

Это не просто красивая формулировка. Как отмечают эксперты, в условиях санкционного давления такие «наполеоновские планы» (например, строительство собственных авианосцев на Дальнем Востоке) выполняют важную политико-идеологическую функцию - они создают «смыслы» и консолидируют общество вокруг идеи технологического суверенитета и величия. Даже если экономическая эффективность таких проектов в текущих условиях низка, они становятся символами, подтверждающими статус России как державы, не сломленной внешним давлением и продолжающей дело предков. Таким образом, историческая политика задает целеполагание для судоходства: флот должен не только перевозить грузы, но и служить инструментом геополитического влияния, подтверждая историческую преемственность.

2. Ревизионизм на практике: передел морских правил игры

Если доктрина - это «теория», то санкционная война - это «практика» исторического ревизионизма в действии. Западные страны предприняли беспрецедентные шаги, фактически переписав правила функционирования морской торговли.

Санкции ударили по ключевым проектам. Например, модернизация судостроительного комплекса «Звезда» (г. Большой Кмень, Приморский край), который должен был строить крупнотоннажные суда с участием южнокорейской Daewoo, оказалась под угрозой из-за ухода партнеров и запрета на поставки оборудования.

Самый мощный инструмент ревизионизма - это создание «потолка цен» на российскую нефть странами G7. По сути, это попытка принудительно изменить рыночные механизмы, чтобы переписать историю финансовых потоков в свою пользу. Как отмечается в аналитических материалах, этот механизм стал возможен благодаря монопольному контролю G7 над морским страхованием (более 90% рынка) и финансированием. Россия столкнулась с ситуацией, когда доступ к привычной морской инфраструктуре был поставлен в зависимость от политических условий.

3. Формирование «новой географии»: разворот на Восток и «теневого флота»

В ответ на эту «санкционную ревизию» правил, Россия начала реализовывать собственную политику, которую можно назвать геополитической адаптацией судоходства, и здесь историческая политика смыкается с экономическим выживанием.

Статистика наглядно демонстрирует этот тектонический сдвиг. По данным за третий квартал 2022 года, количество заходов российских судов в порты ЕС сократилось в 10 раз по сравнению с предыдущим годом, а в порты США и Великобритании они практически прекратились. В противовес этому резко выросла активность в портах Турции (+44,6%), Китая (+17%), а также Индии и стран Африки .

Этот процесс сопровождается формированием так называемого «теневого флота» - старых танкеров, которые меняют флаги, собственников и страховщиков, чтобы продолжать перевозки в обход западных ограничений, по аналогии с иранской моделью. Эксперты отмечают, что для таких перевозок используются суда, которые иначе были бы отправлены на слом, что создает новые риски, но одновременно обеспечивает экспорт.

Таким образом, историческая политика, понимаемая как борьба нарративов и права на определение «справедливого» миропорядка, напрямую трансформирует морскую отрасль. Она превращает судоходство из сугубо коммерческой деятельности в поле геополитического противостояния.

Для российского судоходства это вылилось в:

- а) необходимость импортозамещения и поиска новых технологических партнеров (например, возможная закупка комплектующих или даже самолетов в КНР);
- б) полную перестройку логистических цепочек с запада на юг и восток;
- в) создание альтернативных страховых и финансовых механизмов, которые позволят флоту работать в новых, «ревизионистских» условиях, продиктованных глобальным конфликтом интерпретаций международного права и экономики.

Особо остро сегодня стоит вопрос о соблюдении международного морского права, в частности, морских конвенций. Формально международное морское право продолжает действовать, однако на практике мы наблюдаем кризис правоприменения и конфликт интерпретаций.

Ситуацию можно разобрать через призму трёх ключевых конвенций и институтов: UNCLOS (право прохода), СОЛАС (безопасность) и система страхования P&I (ответственность).

1. «Право мирного прохода» или. Политическая воля

Основной закон моря - Конвенция ООН по морскому праву 1982 года (UNCLOS) - гарантирует судам право мирного прохода через территориальные воды и проливы, используемые для международного судоходства (ст. 17, 38).

Что происходит на практике?

После 2022 года ряд стран (особенно члены ЕС и Великобритания) начали фактически ограничивать это право для российских судов под предлогом национальной безопасности. Заккрытие портов для российских судов само по себе не противоречит UNCLOS (это суверенное право государства). Но проблема возникает в проливах. Например, Дания формально не может закрыть свои проливы (Балтийские проливы) для прохода российских танкеров, идущих из Балтики в Мировой океан, так как это нарушило бы принцип свободы судоходства. Однако на практике это право пытаются «выдавить» через ужесточение экологических проверок или создание сложных бюрократических процедур.

Мы видим, что текст конвенции соблюдается, но дух её - свободное мореплавание - ставится под сомнение политическими решениями.

2. Безопасность (СОЛАС) и проблема «теневого флота»

Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС) устанавливает строгие требования к конструкции судов, навигации и связи.

Здесь возникает главная проблема «теневого флота»: Россия, столкнувшись с отказом западных сервисных компаний, была вынуждена использовать для перевозок (особенно нефти) суда, которые либо старые, либо работают в обход стандартных механизмов контроля. Эти суда часто меняют названия, флаги и отключают транспондеры (AIS), чтобы скрыть своё местоположение.

Отключение AIS - прямое нарушение правил СОЛАС (глава V, правило 19), которое требует постоянной работы системы для обеспечения безопасности мореплавания. Однако это делается, чтобы избежать слежки и вторичных санкций. Такие суда не проходят должный надзор в портах (они заходят в порты третьих стран, не требующих строгого соблюдения правил), чтократно увеличивает риск экологических катастроф.

3. Институт страхования и нарушение протоколов

Ключевой механизм соблюдения морского права - страхование. По правилам, ни один порт не примет судно без «синей карты» — подтверждения страхования гражданской ответственности (P&I клубов). Международная группа P&I клубов (IG), базирующаяся в

основном в Лондоне, и ведущие страховщики (например, Gard) прекратили страховать российские грузы или суда, связанные с Россией.

Россия начала создавать собственные страховые механизмы (например, «Российская национальная перестраховочная компания») или использовать страховщиков из «дружественных» стран (Турция, Китай, ОАЭ), которые не входят в пул IG.

Эти новые страховщики не признаются западными портами. Поэтому суда с российскими грузами физически не могут зайти в порты ЕС или США. Но в портах Азии, Африки и Латинской Америки эти страховки принимаются, так как местные власти не обязаны следовать правилам IG. Формально судно застраховано (конвенция соблюдена), но по «нестандартному» полису.

К 2024–2025 годам ситуация обострилась. Западные страны ввели механизм верификации страховок для прохода через критически важные точки (например, Босфор или Суэцкий канал). Это создало ситуацию, где:

1. Если судно идет с российской нефтью выше «потолка цен» (60\$), оно не может получить стандартную западную страховку.

2. Оно идет без страховки или с «серой» страховкой.

3. Это нарушает сразу несколько конвенций: о гражданской ответственности (CLC), о готовности к ликвидации разливов (OPRC) и требования портового контроля.

Таким образом, система международного морского права переживает тяжелейший кризис. Механизмы, созданные для обеспечения безопасности и порядка, стали инструментом политического давления. Формально документы (UNCLOS, СОЛАС) никто не отменял, и на бумаге они соблюдаются. Но реальность такова, что суда работают в «серой зоне», балансируя между необходимостью выполнять конвенции и выживать в условиях тотальной политизации океана. Это привело к росту аварийности (например, участвовавшие инциденты со старыми танкерами у берегов Греции или в Балтийском море) и создало огромные юридические риски для всех участников процесса.

Другой важной проблемой является ситуация с признанием российских морских документов (дипломов и сертификатов) на Западе после 2022 года. Ситуация является крайне противоречивой и зависит от конкретной страны, компании и даже порта. Формально документы действительны, но на практике возникло множество барьеров.

С точки зрения международного права, Россия остаётся членом Международной морской организации (ИМО) и является стороной Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты (ПДНВ 78/95).

Россия сохраняет своё место в «Белом списке» ИМО. Это означает, что подготовка российских моряков формально соответствует мировым стандартам. По правилам, портовый контроль (Port State Control) любого государства - члена конвенции обязан признавать дипломы, выданные страной из «Белого списка», если они оформлены правильно и на русском и английском языках.

Несмотря на формальное членство в конвенции, с 2022 года западные страны начали вводить фактические ограничения:

А) Страны ЕС и Великобритания:

Ряд западноевропейских стран (особенно Великобритания, Польша, страны Балтии) и некоторые крупные портовые операторы (например, в Нидерландах и Бельгии) перестали признавать российские свидетельства о квалификации, выданные после 2022 года. Они мотивируют это тем, что не могут проверить качество подготовки в условиях санкций и разрыва связей.

Если моряк работает на судне под «недружественным» флагом (например, Мальта, Панама, Либерия, которые часто администрируются западными компаниями), местный административный орган флага может отказать в подтверждении (эндостаменте) российского диплома. Без эндостамена моряк не может законно работать на судне под этим флагом.

Даже если диплом признан, моряк из РФ часто не может получить шенгенскую или британскую визу для того, чтобы присоединиться к судну в европейском порту или пройти собеседование.

Б) США:

Ситуация аналогичная. Хотя формальных запретов на признание российских дипломов может не быть, получить разрешение на работу (визу) для российского моряка на судне под флагом США практически невозможно из-за общего ухудшения отношений.

Главный фильтр сейчас - это не государство, а судовладельцы и крьюинговые компании.

Западные судовладельцы (европейские, американские, японские, сингапурские) массово отказываются нанимать российских моряков. Причины:

1. Страх вторичных санкций: банки и страховщики могут заблокировать операции компании, если увидят в экипаже «российский след».
2. Репутационные риски: давление со стороны общественности и акционеров.
3. Сложности с логистикой: россиян сложно заменять (ротировать) в западных портах, так как им нужны транзитные визы.

Иногда российских моряков оставляют в западных компаниях, если они работают там много лет и имеют вид на жительство в «дружественной» стране (например, в Турции или ОАЭ). Но новых контрактов для рядовых моряков из РФ в Европе почти нет.

Где российские документы принимают без проблем?

Российские моряки сейчас востребованы, но география их работы сместилась:

1. «Теневой флот» и дружественные судовладельцы. Основной работодатель для российских моряков сегодня - это судовладельцы из России, Китая, Турции, ОАЭ и Индии, а также компании, управляющие «теневым флотом» для перевозки российской нефти. Там требования к «западным» сертификатам ниже, а российские дипломы ценятся за качество подготовки

2. Азия и Ближний Восток. Порты ОАЭ (Фуджейра), Турции (Стамбул), Китая, Индии и стран Африки принимают российские дипломы без вопросов. Если контракт подписан с компанией из ОАЭ, а судно ходит в Азии или Африке, проблем с признанием документов обычно не возникает.

3. Внутренние воды и ЕАЭС. Российские моряки активно работают на судах под флагом РФ и стран ЕАЭС (Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия), где документы признаются автоматически.

Таким образом, для российских моряков сейчас оказались практически закрыты для трудоустройства европейские и американские судоходные компании. Если же моряк планирует работать в Азии, на Ближнем Востоке, в Турции или в российских компаниях, оперирующих международные перевозки (в том числе на «теневом флоте») - российские документы признаются и ценятся. Квалификация российских моряков по-прежнему считается высокой, а дипломы - легитимными.

Риск для моряков представляет и работа со смешанными экипажами. На судах с такими экипажами (например, филиппинцы, украинцы, россияне) стали возникать политические трения.

Российским морякам приходится проявлять особый профессионализм, чтобы избежать конфликтов.

Что необходимо делать, чтобы история не превратилась в сугубо политический инструмент

Превращение истории в «служанку политики» - это устойчивая тенденция, но ей можно и нужно противостоять. Главная задача - создать условия, при которых историческое знание будет защищено от сиюминутной конъюнктуры, а общество получит навыки критического мышления.

Ниже представлен план действий (рекомендаций), разделенный на уровни: от государственной политики до личной позиции каждого.

Уровень 1: Институциональные гарантии (закон и наука)

Чтобы история не становилась пропагандой, нужно создать «подушки безопасности» между властью и академическим сообществом.

1. Обеспечение автономии научных и образовательных институтов. Университеты и академические институты должны иметь реальную, а не декларативную свободу в выборе тем исследований и методов преподавания. Государство может финансировать науку, но не должно диктовать, какие выводы обязаны сделать ученые.

2. Вместо создания одного «официального» учебника истории, целесообразно разрабатывать линейку учебников, отражающих разные научные школы, и допускать их к использованию после независимой экспертизы профессиональным сообществом (например, Ассоциацией историков).

3. Защита от «законодательной истории». Принятие законов, устанавливающих уголовную ответственность за «неправильную» трактовку событий (так называемые «мемориальные законы»), - это прямой путь к фальсификации. Такие законы создают прецедент, когда судьи, не являющиеся историками, начинают вершить историческую науку. Ограничить сферу действия таких законов только прямой пропагандой насилия, отрицанием преступлений против человечности (геноцида), но не допускать их распространения на научные дискуссии или трактовки причин событий.

Уровень 2: Образование и просвещение (Формирование устойчивости)

Самый надежный способ борьбы с политизацией истории - воспитать поколение, которое умеет работать с информацией.

1. Смещение акцента в образовании: с «фактов» на «методы». В школах и вузах нужно учить не заучиванию единственной версии событий, а критике источников. Ученик должен понимать: любое историческое свидетельство субъективно. Задача историка - не запомнить «правильный» текст, а проанализировать, кем, когда и с какой целью он написан. Внедрение спецкурсов по медиаграмотности и критическому мышлению, где на примере исторических фальшивок (как подделка «Протоколов сионских мудрецов» или «речи Гитлера 1939 года») показываются механизмы манипуляции.

2. Поддержка «истории снизу» (микроистории). Политическая история любит оперировать абстрактными категориями («народ», «государство», «империя»), которыми легко манипулировать. Противостоять этому может интерес к локальной истории - истории семьи, города, завода, конкретного человека. Проекты по созданию семейных архивов, краеведческие конкурсы, базы данных «Мемориала» (или аналогов) возвращают истории человеческое лицо и делают её менее уязвимой для пропагандистских схем.

Уровень 3: Медиа и публичное пространство (Альтернативные нарративы)

СМИ - главный проводник исторической политики. Нужно создавать среду, где у «официоза» будет конкуренция.

1. Развитие исторических СМИ и блогов. Государство могло бы поддерживать (грантами) не только патриотические фильмы, но и научно-популярные каналы, подкасты и журналы, которые делают сложные темы доступными, но не скатываются в примитивную апологетику. Чем больше качественного исторического контента будет в доступе, тем сложнее фальсификаторам будет удерживать монополию на прошлое.

Важно популяризировать профессиональных историков, которые умеют говорить с публикой (например, Егор Яковлев, Евгений Спицын и другие).

3. Институт «общественной дипломатии истории». Создание площадок для диалога историков из разных стран (включая «недружественные»). Задача - не доказать, что «наша версия единственно верная», а понять, почему у соседей сформировалась иная память о событиях. Это снижает градус конфликта интерпретаций и мешает использовать историю как оружие.

Уровень 4: Противодействие глобальному ревизионизму

В условиях информационной войны (которая, как мы видели, затронула даже морское судоходство), важно фиксировать правду здесь и сейчас.

1. Создание «цифровых архивов настоящего». Чтобы будущие поколения не стали жертвами фальсификаций, уже сегодня нужно собирать и оцифровывать свидетельства текущих событий: репортажи, фото, документы из разных источников (включая «враждебные»). Это создаст базу для будущих историков, которую будет сложно стереть или монополизировать.

Фиксация военных преступлений (например, обстрелов гражданской инфраструктуры, обращений с гражданским населением и военнопленными) с указанием точных координат, дат и свидетелей - это тоже способ сохранить историю от попыток её переписать через 20 лет.

Главный рецепт от превращения истории в политический инструмент - это плюрализм. Там, где есть только одна «генеральная линия партии», история умирает и превращается в миф. Там, где есть дискуссия, право на ошибку и возможность публичного спора между профессионалами, у истории есть шанс остаться наукой.

Таким образом, противодействие манипуляциям историей требует системного подхода, сочетающего рациональное мышление, медиаграмотность и гражданскую ответственность. На индивидуальном уровне ключевым инструментом является развитие критического мышления и привычка к верификации: любое громкое заявление или шокирующий факт, особенно вызвавший сильную эмоцию (гнев или гордость), необходимо проверять по первоисточникам, сравнивая как минимум три независимых друг от друга академических ресурса.

Важно научиться отличать научно-популярный контент, основанный на документах, от художественного вымысла, где драматургия подменяет факты, а также помнить, что мем или короткий ролик из TikTok не могут передать сложность исторического процесса.

На социальном уровне необходимо требовать прозрачности от СМИ, поддерживать независимые научные издания и документалистику, а в образовании - делать упор не на заучивание дат, а на обучение работе с источниками и пониманию причинно-следственных связей.

Обществу в целом важно осознать: прошлое - это не поле для битв и не инструмент для оправдания сегодняшних политических амбиций, а сложный опыт, уважение к которому требует честности даже перед лицом неудобных страниц собственной истории. Только сочетание скептицизма к медийным штампам и уважения к доказательному знанию способно создать иммунитет к историческим манипуляциям.

История сегодня - это поле для политических битв. Её искажение стало стандартным инструментом для достижения сиюминутных целей: удержать власть, мобилизовать общество, оправдать агрессию. Однако цена таких манипуляций крайне высока: они ведут к расколам внутри стран, конфликтам между ними и воспитанию неспособных к диалогу поколений. Противостоять этому можно только через отстаивание научного подхода к истории, защиту свободы исследований и открытый общественный диалог о сложных страницах прошлого.

Литература

1. Авдаков И.Ю., Алиев Р.А. Правовое регулирование торгового мореплавания в условиях санкционных ограничений // Транспортное право. — 2023. — № 4. — С. 15-22.
2. Автократов В.Н. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. — Т. 11. — М.; Л., 1955. — С. 255–279.
3. Верещагин В.В. Подготовка и дипломирование моряков: международные и национальные стандарты. — Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2021. — 188 с.
4. Гуцуляк В.Н. Международное морское право (публичное и частное). — Ростов-на-Дону: Феникс, 2022 (или последнее издание). — 416 с.
5. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста / Статья: Можно ли создать «Слово о полку Игореве» путем имитации // Вопросы языкознания. — 2006. — № 5. — С. 3-21.
6. Замалеев А.Ф. История политических учений России до середины XX века. — 2-е изд. — М.: Юрайт, 2025. — 265 с.
7. Козлов В.П. Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII-XIX веков. — М.: Аспект Пресс, 1996.
8. Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС-74). Консолидированный текст. — ЦНИИМФ, 2020
9. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. — М.: РОССПЭН, 2006. — 168 с.
10. Современные тенденции развития судоходства и логистики в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Под ред. В.И. Курочкина. — М.: ВАВТ, 2024. — 304 с.
11. Чан С., Фэн Х., Хэ К., Ху В. Оспаривая ревизионизм. Китай, США и трансформация международного порядка / Пер. с англ. — М.: БиблиоРоссика/Academic Studies Press, 2024. — 352 с.